

— ...

Аргументы были логичными и подкреплёнными фактами.

Янь Тин даже не сумел возразить.

Он опустил длинные ресницы, немного подумал и обратился к Пэй Сюньчжи:

— Слуги семьи Янь делают на плече татуировку в виде ласточкиного пера. Ваше Величество может приказать снять с него одежду и всё внимательно проверить.

В глазах человека в чёрном мелькнула паника. Уверенности явно поубавилось, и он нарочно заговорил громче, словно пытаясь придать себе храбрости:

— Мой отец и был татуировщиком в усадьбе Янь! В детстве я боялся боли, поэтому он мне ничего не сделал!

Сказав это, он истерично добавил:

— Меня действительно послал уездный начальник Янь! Я уже дошёл до такого состояния — зачем мне теперь лгать?!

Он распалялся всё сильнее. Если бы руки и ноги не были скованы цепями, пожалуй, уже вскочил бы и попытался кого-нибудь укусить.

Янь Тин огляделся, с трудом поднял железный прут, висевший у стены, и ударил пленника по голове, рассчитывая хотя бы ненадолго заставить его замолчать.

Но собственной силы он явно переоценил. Такой толстый железный прут всего лишь набил человеку огромную шишку — даже кровь не пошла.

Тот на мгновение опешил, после чего завыл ещё громче. Пронзительный крик будто грозил порвать барабанные перепонки.

В конце концов даже Пэй Сюньчжи не выдержал. Один удар кнута пришёлся пленнику по лицу, разодрав кожу и плоть. Тот закатил глаза и снова потерял сознание.

Вокруг вновь стало тихо.

Янь Тин посмотрел на железный прут в своих руках, потом на кнут Пэй Сюньчжи и почему-то почувствовал, будто у него самого начало побаливать лицо.

Он молча сглотнул и продолжил оправдываться:

— Прошу Ваше Величество разобраться. Татуировку с ласточкиным пером я только что выдумал, её вообще не существует. Кроме того, он всё время твердит, что служил в нашем доме, но меня не узнал. И наконец, мой отец уже растратил всё семейное состояние. Всех слуг давно пришлось распустить. У него нет даже связки медных монет — откуда возьмутся десять тысяч лянов золота для семьи убийцы?

Пэй Сюньчжи молча слушал, и невозможно было понять, поверил он или нет. Затем его взгляд опустился на одежду Янь Тина.

Одеяние выглядело скромным, однако было сшито из лучшего шёлка. При движении ткань легко струилась, и по ней переливался скрытый узор, вытканый серебряной нитью. С первого взгляда было ясно: вещь дорогая.

Заметив его взгляд, Янь Тин прикусил губу. Словно решившись на крайность, он дрожащими белыми тонкими пальцами медленно развязал пояс.

Верхнее одеяние соскользнуло вниз, и Пэй Сюньчжи увидел старую нижнюю рубаху. Так Янь Тин без слов доказал, что семья Янь действительно разорена.

Ткань от многочисленных стирок огрубела и была сильно изношена. Она уже почти ничего не скрывала, местами смутно просвечивал цвет кожи, создавая неожиданно соблазнительное зрелище.

— Верхнюю одежду отец купил за большие деньги, заложив нефритовые бусины, когда-то пожалованные покойным императором, — Янь Тин прикрыл плечи. Тонкие ресницы дрожали, словно крылья бабочки. — Отец сказал: если мне посчастливится быть выбранным Вашим Величеством, это будет величайшим благом. А если нет, я хотя бы смогу в этой красивой одежде с честью вернуться домой.

Взгляд Пэй Сюньчжи потемнел. Он мысленно несколько раз повторил последние слова.

С честью вернуться домой?

Скорее с честью умереть по дороге.

Императорский лекарь, осматривавший сегодня Янь Тина, собственными устами сказал: его слабость — врождённая, он с рождения страдает от недостатка жизненных сил. Чтобы жить, ему необходим тысячелетний снежный женьшень с северо-запада. Даже если пить отвар раз в три дня, это лишь позволит ему кое-как протянуть до двадцати лет.

А женьшеневого отвара он не принимал уже почти полмесяца. Организм истощён до предела;

любая небольшая болезнь способна сразу его убить.

Если бы Пэй Сюньчжи силой не влил в него ту чашу лекарства, Янь Тин сейчас вообще не стоял бы здесь и не разговаривал.

Янь Юаньчэн оказался не только никудышным чиновником, но и ужасным отцом. Здорового в своей основе ребёнка умудрился довести до такого состояния.

Пэй Сюньчжи посмотрел на талию Янь Тина — такую тонкую и хрупкую, будто стоит чуть сильнее сжать, и она переломится.

В конце концов он отвёл глаза. По голосу невозможно было понять, что он чувствует:

— Оденсья.

Янь Тин не только не стал одеваться, но даже сделал вид, будто собирается снять и нижнюю рубаху, совершенно забыв о том, что они находятся в сырой тёмной темнице, а позади валяется потерявший сознание убийца.

Лишь когда Пэй Сюньчжи подошёл и крепко прижал его руки, Янь Тин поднял на него глаза с покрасневшими уголками. Одновременно ущипнул себя за бедро, изо всех сил выдавливая две прозрачные слезинки.

В слабом свете свечей его выражение было растерянным и незащищённым.

— Ваше Величество, другого пути у меня нет. Прошу, сжальтесь надо мной.

Одна слеза скатилась по щеке, прошла по белоснежной шее, изящной ключице и наконец впилась в нижнюю рубаху, оставив маленькое влажное пятно.

Другая упала на тыльную сторону ладони Пэй Сюньчжи.

Она была такой горячей, что он на мгновение потерялся в ощущениях.

Лицо его всё равно оставалось бесстрастным, словно это совершенно его не тронуло.

Но —

□Текущий показатель любви: 1□

□Текущий показатель любви: 3□

□Текущий показатель любви: 5□

□У-ху, у-ху! Папа снова всех переиграл! Цветочки, цветочки! Кланяюсь, кланяюсь!□

Система Люлю ликовала у него в голове. Янь Тин будто ничего не слышал и лишь смотрел на Пэй Сюньчжи сквозь слёзы, подобно человеку, который слишком долго тонул во тьме и наконец ухватился за последний луч света.

Он словно хотел протянуть руку и потянуть императора за рукав, но испугался, что это будет слишком дерзко перед безжалостным правителем, и осторожно убрал дрожащую ладонь.

Пламя свечи дрогнуло.

Почти погасло.

В конце концов Пэй Сюньчжи отбросил кнут, наклонился, поднял с пола пояс верхнего одеяния и сам одел Янь Тина.

Обычно только другие бегали вокруг него и прислуживали. Заботиться о ком-то самому ему почти не приходилось.

Поэтому он долго возился с поясом и в конце концов завязал на талии Янь Тина чудовищно уродливый бант, слегка испортивший всю картину.

— Плачут только слабые. Слёзы — самая бесполезная вещь на свете, — он раздражённо нахмурился. — Не плачь передо мной. Мне это не нравится.

□Текущий показатель любви: 6□

Янь Тин спорить не стал и по его требованию немедленно прекратил плакать.

Слишком немедленно.

Рука Пэй Сюньчжи, уже протянутая, чтобы вытереть ему слёзы, застыла в воздухе. Бровь императора дёрнулась, и от досады он ущипнул Янь Тина за щёку.

Хотя на вид на лице почти не было мяса, на ощупь щека оказалась удивительно мягкой.

Приятно трогать.

□Текущий показатель любви: 7□

На подушечках пальцев осталось тепло. Пэй Сюньчжи незаметно потёр их друг о друга. Уголки губ сами собой слегка поднялись, хотя он этого даже не заметил.

— Иди за мной.

Увидев, что тот собирается выйти из камеры, Янь Тин поспешно заговорил:

— Ваше Величество, вы больше не будете допрашивать убийцу? Его действительно не посылал мой отец...

Пэй Сюньчжи перебил:

— Это тебя не касается. Иди за мной.

Оставалось лишь замолчать и послушно последовать за ним.

Пэй Сюньчжи был высоким, длинноногим и шагал широко. Янь Тин же был слаб, болезнен и ходил медленно. Совершенно предсказуемо между ними очень быстро образовалось большое расстояние.

Хрупкого молодого господина вообще-то положено холить и лелеять. Как можно просто бросить его позади?

Янь Тин тихо кашлянул.

□Текущий показатель любви: 8□

Янь Тин кашлянул ещё раз.

□Текущий показатель любви: 9□

Янь Тин: кхе-кхе-кхе.

Император наконец не выдержал, остановился и с нахмуренными бровями вернулся. Резкие, холодные черты открыто выражали раздражение.

Но когда он подхватил Янь Тина на руки, движения были настолько бережными, насколько вообще возможно.

— Всего несколько шагов прошёл, а кашляешь так, будто умираешь. Ненавижу изнеженных людей.

□Текущий показатель любви: 10□

<http://bllate.org/book/19030/1869129>